

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатели
М. АЛДАНОВ и М. ЦЕТЛИН

С 1946-го по 1959-й редактор М. КАРПОВИЧ

Девятнадцатый год издания

Кн. 62
1960

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>Из литературного наследства И. А. Бунина</i>	5
<i>Борис Пастернак — Безлюбье</i>	10
<i>Ольга Анстей — Четыре стихотворения</i>	19
<i>Вл. Корвин-Пиотровский — Два рассказа</i>	21
<i>Николай Моршен — Три стихотворения</i>	35
<i>Сергей Максимов — Фома Погребцов</i>	38
<i>Виктор Ляпин — Три стихотворения</i>	47
<i>Н. Туроверов — Конец Суворова</i>	50
<i>Странник — Три стихотворения</i>	81
<i>В. С. Яновский — Заложник</i>	83
<i>Н. Ульянов — Алданов-эссеист</i>	111
 ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:	
<i>Письма Александра Н. Бенуа</i>	121
<i>В. Муромцева-Бунина — Беседы с памятью</i>	147
<i>Ек. Брешковская — Как я ходила в народ</i>	176
<i>Н. Нижальский — Рыбий Бог</i>	211
 ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:	
<i>Н. С. Тимашев — Ломка советской школы</i>	216
<i>Д. Н. Иванцов — Легенды о советской деревне</i>	228
<i>Ю. Марголин — Интеллигенция в лагере</i>	246
<i>Н. Нароков — Старые мехи</i>	262
<i>Г. В. Вернадский — Из древней истории Евразии: Хунну</i>	273
 СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:	
<i>Четыре письма В. И. Иванова к В. Ф. Ходасевичу</i>	284
 БИБЛИОГРАФИЯ:	
<i>Д. Шуб — L. Schapiro. The Communist Party of the USSR.</i>	
<i>Б. Прянишников — G. Bailey. The Conspirators. Вяч. Завалишин — Л. Ржевский. Двое на камне. Д. Викор — Dr. В. Ischboldin. Economic Synthesis. К. Солнцев — У истоков русского книгопечатания. Роман Гуль — Л. Н. Толстой.</i>	
<i>Христианство и церковь</i>	290
<i>Книги для отзыва</i>	303

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА В. И. ИВАНОВА К В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Публикация Н. Н. Берберовой

1

Среда, 7 октября [1924 г.]

Дорогой Владислав Фелицианович,

Только что получил Ваше открытое письмо из Парижа. Итак, Вы, быть может, уже здесь. Спешу сообщить Вам свой адрес: 172 via Quattro Fontane. 3 piano (presso Placidi)

Неприменно хотел бы с Вами увидеться. Не уезжайте, не повидавшись со мной. Заходите ко мне или назначьте у себя свидание. Привет!

Дружески преданный Вам

Вяч. Иванов

2

[Визитная карточка. Октябрь 1924 г.]

Лицевая сторона: Prof. Dott. Venceslao Ivanov
Al Sig. V. Hodassevic (camera 104)

Обратная сторона: Огорченный тем, что Вы меня не застали, поехал к Вам и ждал Вас до 12 час. Итак, не судьба увидеться. А я хотел поговорить с Вами подробно о сотрудничестве в «Беседе». Напишите мне об этом обстоятельно. Нуждаюсь в литературной работе и в издании разнообразных вещей. Сообщите, если Алексею Максимовичу¹ писать трудно, его мнение о присланной ему пьесе². Напишите также о Париже. Спасибо, что заходили. Привет.

3

Рим, 29/XII. 1924.

Спасибо за дружеское Ваше письмо, дорогой Владислав Фелицианович, и сердечное Вам с супругою³ пожелание счастливого нового года. Как ни мрачен общий фон и Вашего и моего душевного настроения, по одинаковым причинам, в письме Вашем правильно отмеченным («Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему»), — все-же мы оба, хоть физически-то, еще живы, а следовательно способны и к нечаянной радости, когда сильная светлая волна, откуда ни возьмись, вдруг плеснет из неведомых родников души и непонятно освежит, оживит иссыхающую омертвелую душу. Вот такого-то счастья, прежде всего, и желаю Вам в новом году, желаю и себе; но Вам — с уверенною надеждой, себе же менее уверенно. Что до Вас, — слышал я с разных сторон столь восхищенные отзывы о Ваших стихах последнего времени, мне к сожалению неизвестных, — да и без этих отзывов так знаю Вас, лирического поэта, — что Вашей хандры, как бы ни была она глубоко оправдана, ежели только Муза с Вами, окончательно бояться не могу: когда в поэте затоскует Саул, закономерно поднимет в нем-же свой голос и Давид. Что до меня, — невозможно, что в эту самую минуту, когда, говоря о Вас, невольно подбадриваю сам и самого себя, — Саул во мне стосковавшись по все чаще и слишком надолго пропадающем Давиде, сам пытается перебирать пальцами струны его заброшенной арфы, да не налаживается волшебная песня. И опять скажешь: не жизнь поэту без его живой страны, а в Москве, где я прожил летом, после 4-летнего сидения в Баку, три месяца и должен был надышаться хваленым «озоном», видел я только нервных больных под действием веселящего газа, и как ни уверял себя, что мертв я, а вокруг меня живые, глаза и сердце упорно отказывались свидетельствовать о жизни и радости, которые веют там, где дышет животворящий Дух. И жадно хотелось переменить воздух и оглядеться в Европе и из Европы; но жизни на западе я также не узрел — и вот влачусь в пустыне мрачной. Остается обратить пустыню в пустынь, чего бы я и желал: другими словами, так как по истечении годовой командировки вернуться я не обязан, если не хочу сохранить за собой бакинской профессуры по классической филологии и поэтике — крепко думаю пустынножителство заграничное продолжить, — была бы только литературная или какая иная мне доступная работа. Похож я на Филоктета, оставленного с язвой и луком на пу-

стынном острове. Разница же в том только, что на бедном Филоктете еще и зарок не употреблять в пищу зверей и птиц «не чистых», а «чистых» на окаянном острове так мало, что хоть помирай... (Вот, к примеру, вульгарность коего прошу мне извинить, — издатель Ваш не то, чтобы стихи мои издать, даже обещанного гонорара выслать не хочет, ниже книжеч «Беседы»...). Но возвращаюсь к новогодним размышлениям и наипаче желаю Вам избавиться в новом году, под милостивым влиянием соррентского воздуха и тепла, от этой ужасной Вашей хвори, которая, как Вы пишете, покоя Вам не дает, но заставляет непрестанно томиться и лечиться, — так что выходит: и Вы Филоктет на острове. Дай Бог Вам поправиться и выздороветь окончательно. Дорогому Алексею Максимиовичу передайте также мой новогодний привет и пожелания душевной свежести и доброго здоровья. Пока жму крепко Вашу руку и остаюсь

сердечно преданный Вам

Вяч. Иванов

Гершензону⁴ я до сего дня из-за границы не писал, а потому и от него вестей не имел; в сентябре он должен был — из-за болезни — поехать за границу. Он говорил мне: «десять месяцев поживете там — и потянет неудержимо в Россию; через десять месяцев здесь — туда». Но я-то другой человек, и привык за свою жизнь пустынножитьствовать на Западе долгими годами и рядами лет, только укрепляясь в своем русском самочувствии.

Пишу для «Беседы» об «Идиоте»⁵. Не присоветуете ли чего-нибудь относительно изданий? Привет!

В. И.

4

12 января 1925.

Дорогой Владислав Фелицианович,

От Муратовых⁶ добыл я книгу Вашу: читаю и перечитываю «Тяжелую Лиру» с восхищением конечно, боль, горечь и скорбь исполняют свое высшее эстетическое (— и не только эстетическое!) назначение, когда из их горнила вырывается гимн, — когда

На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей.⁷

Этот высокий акт преодоления озаряет Вашу лирику необыкновенным, несколько жутким, ибо нездешним отблеском, падающим из мира «страшных братьев»; и проносится по ней мгновеньями ветер «почти свободы». У Бодлера вырываются порой большие и вместе торжествующие крики этого великолепного дуализма. Из дуализма лирического пафоса вытекает с художественною закономерностью и дуализм формы. Это соединение жестокого веризма и гимнической монументальности. Синтез de l'Ange et de la charogne, как изображение человека — вот Ваше паскалевское задание, выполненное с редко изменяющим вам мастерством. И как благодарен Вам читатель за то, что эта беспомощная в земной юдоли, хрупкая Психея (вспоминаются свои строки:

Меж пальцев алавастровых лампада
Психеи зябкой теплится едва, —
Алмазная играет синева), — 8

что эта милая Психея является и бестрепетной и победоносной, несмотря на все пробелы в душе и мире «как бы от пролитых кислот»... Одним словом, обнимаю Вас за «Тяжелую Лиру» горячо.

Вот обо всем этом и хотел я Вам тотчас написать, когда пришло Ваше милое письмо, содержавшее и деловой вопрос. На последний отвечаю так: книжек «Беседы» все не получил, деньги же высланы через банк, в размере 375 лир (или 68 нем. марок) за 9 сонетов, т. е. 126 стихов по расчету, следовательно 25-28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошем, я был приведен этим обстоятельством полностью в уныние. А еще Алексей Максимович писал мне о повышении гонорарного тарифа в виду допущения «Беседы» в Россию!

Поклон Вашей супруге. В прошлом письме я решил познакомиться с нею заочно. К сожалению, стихов ее доселе не видел.

Поклон Алексею Максимовичу. Если Можно, помяните меня в молитвах к издателю.

Дружески Ваш

Вяч. Иванов

П Р И М Е Ч А Н И Я

Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) приехал с семьей из Советской России в Италию в августе 1924 года. Семья его — дочь Лидия, сейчас известная в Италии органистка и композитор, и сын Дмитрий, — ныне французский журналист. Они поселились в Риме. Владислав Фелицианович Ходасевич (вместе с Н. Н. Берберовой) был в 1924-25 г.г. в Италии три раза: первый раз весной 1924 г., когда Иванова там еще не было, во второй раз — в октябре того же года, когда Ходасевич и Иванов, как видно из двух первых кратких записок, разминувшись, и в третий раз — весной 1925 г., когда Ходасевич был на пути из Рима в Париж. Самые теплые дружеские отношения связывали Ходасевича с Ивановым. Они хорошо знали друг друга по Москве, где Иванов жил до своего переезда в Баку. В 1920 году Ходасевичу, между прочим, довелось жить в том самом Доме Отдыха, где жили В. И. Иванов и М. О. Гершензон, и где была ими написана «Переписка из двух углов». (См. «Некрополь» В. Ф. Ходасевича, статья о М. О. Гершензоне).

Первое письмо, на котором В. И. Ходасевичем не проставлен год, адресовано в Рим, в гостиницу «Минерва», где Ходасевич остановился. Как видно из письма, Ходасевич, выезжая из Парижа, предупредил Иванова, что на несколько дней он остановится в Риме (он ехал в Сорренто). Но вторая записка, оставленная в том же отеле лично Ивановым, показывает, что свидание на этот раз не состоялось. Третье письмо адресовано уже в Сорренто, где Ходасевич провел зиму 1924-25 г., в доме Горького.

В эти месяцы еще не была потеряна надежда на то, что журнал, который редактировали Горький и Ходасевич, «Беседа», будет продолжаться. Издатель жил в Берлине и все еще надеялся (на основании обещаний Горького), что «Беседа» будет допущена в Россию, однако, события в литературной жизни Петербурга и Москвы шли таким ходом, что с каждой неделей становилось ясней, что журнал обречен: издатель «Беседы», С. Г. Сумский (ему принадлежало издательство «Эпоха», где вышли сочинения Блока, Белого и др.), через три года, в 1928 году, вынужден был прекратить издательское дело.

Четвертое и последнее письмо также адресовано В. И. Ивановым в Сорренто. Ответные письма Ходасевича к Иванову находятся в Риме, в архиве В. И.

¹ — Горький.

² — Пьеса в стихах В. И. Иванова «Любовь-Мираж», сатирическая шутка, до сих пор не опубликованная.

- 3 — Н. Н. Берберова.
- 4 — М. О. Гершензон, автор «Грибоедовской Москвы», «Декабриста Кривцова» и др. 1869-1925.
- 5 — Статья об «Идиоте» получена в Сорренто не была и в «Беседе» не напечатана. Русский текст позднее пропал у переводчика и статья эта была напечатана только по-итальянски.
- 6 — Муратов, Павел Павлович, автор «Образов Италии», «Эгерии» и др. 1881-1950.
- 7 — Цитата из «Баллады» Ходасевича. Дальнейшие цитаты также из стихов «Тяжелой Лиры».
- 8 — Цитата из стихотворения Вяч. Иванова «Психея-скиталица», 1915 г.

Н. Берберова